

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 4 (67)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-корр. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2024

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (67)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Голикова С.В.

Институт истории и археологии УрО РАН, ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
E-mail: avokilog@mail.ru

НАРОДНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ТОКСИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ (ПО ДАННЫМ ОБ ОТРАВЛЕНИИ МЫШЬЯКОМ НА УРАЛЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.)

Анализируются криминальные практики обращения людей с токсическими веществами. На основе изучения материалов следствия и публикаций по судебной медицине XIX — начала XX в. установлено, что, несмотря на двойственное отношение к мышьяку как к яду/зелью, народная токсикология обладала значительным запасом объективных представлений о путях его проникновения в организм, токсических и летальных дозах, агрегатных состояниях, добиваясь симптомов, маскировавших отравление под различные недуги.

Ключевые слова: народная медицина, «знающие», токсикология, мышьяк, Екатеринбургский уездный суд.

Ссылка на публикацию: Голикова С.В. Народное восприятие токсических веществ (по данным об отравлении мышьяком на Урале в XIX — начале XX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 4. С. 234–243. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-67-4-18>

Важная проблема медицинской антропологии — перцепция носителями традиционного сознания представлений научной медицины — решалась не в одной только врачебной сфере. Усвоение фармакологических, химических, анатомических и т.п. знаний фиксировалось в ходе расследования преступлений, направленных против жизни и здоровья человека, прежде всего отравлений. Научная литература, посвященная этномедицине и этноботанике, имеет алгоритм изучения рецептов применения сильнодействующих веществ в народных лечебниках и сведений, собранных у травников и лиц, занимающихся врачеванием. Информация же, содержащаяся в следственных делах и пособиях по судебной медицине XIX — начала XX в., пока почти не привлекалась для анализа практик обращения народа с токсичными материалами. Можно упомянуть статью В.А. Коршункова об отравлении в 1799 г. крестьянкой мужа, в которой наряду с ботаническими и лингвистическими данными о ядовитом растении черемице рассматриваются перипетии самого судебно-следственного дела [2017, с. 473–494]. В.Б. Безгин при изучении семейного насилия в российской деревне конца XIX — начала XX в. также указывал на многочисленные случаи отравления женщинами супругов, но исследовал этот феномен в качестве негативного социального явления, не акцентируя внимания на восприятии народом ядов [2016, с. 27–30]. Преступления подобного рода с начала XIX в. постоянно рассматривал также Екатеринбургский уездный суд. Знакомство с ними (равно как и со следственными действиями более позднего — пореформенного времени) выявляет значительный информационный потенциал для анализа представлений о сильнодействующих ядах и практиках их использования. Подтверждаются и характерные черты подобных деликтов: преступницами были жены, пытавшиеся отравить мужей мышьяком. Обладал Екатеринбургский уезд и особенностью — подавляющее большинство отравлений произошло среди горнозаводского населения. Причина кроется не в его более низком — по сравнению с сельскими жителями — уровне нравственности (по оценке дореволюционных авторов), а в степени распространения медицинской помощи: в заводских поселках она была значительно доступнее. Участие медиков в разоблачении злоумышленников позволяет опустить нижнюю временную границу изучения токсикологических представлений народа на таком массовом источнике, как судебно-следственные дела, с пореформенного времени к началу XIX в.

Задачи данной статьи сводятся к анализу практик отравления самым ходовым из ядов — мышьяком — и рассматривают их в контексте вырабатываемых научной медициной мер борьбы с правонарушениями. В становлении судебно-медицинской экспертизы этот хрупкий полуметалл сыграл первостепенную роль. Токсикологи постоянно разгадывали головоломки с его

участием и были солидарны в присвоении ему пальмы первенства среди ядов [Хенке, 1828, с. 581; Гелинг, 1842, с. 513; Гальтье, 1858, с. 92].

«Скорми мужу своему...»: дела об отравлении-«окормлении»

Отравление считалось совершившимся «лишь со времени наступления смерти потерпевшего». Однако, «ввиду особенно важного значения блага жизни», законодательство строго карало даже покушение на него. При этом право различало, «воспрепятствовали» ли лицу «приступить к совершению преднамеренного им преступления» «лишь обстоятельства» или «собственные побуждение и раскаяние» [Есипов, 1896, с. 355]. Дарье Петровой Полевиной в 1800 г. помешали первые. Эта жительница Березовского завода попросила у 50-летнего Савелия Горбунова (видимо, местного «знающего») мышьяк. Тот «отдал ей под видом мышьяка» «небольшой комок глины» и сказал: «Скорми мужу своему, и от них умрет, то и будешь ты волная». Сам же заявил на незадачливую клиентку властям. Привлеченный ими в качестве эксперта лекарь Екатеринбургских заводов А.Ф. Фелькнер выяснил, что «порошок в гумашке», действительно, не сильнодействующее отравляющее вещество, а «известная земля». Изобличенная же супруга мастерового выдала свою версию происхождения: «...порошков просила не для отравы мужа, но для того, дабы он больше ее любил» [ГАСО. Ф. 12, оп. 1, д. 126, л. 2 об.—4 об., 16].

Уже в упомянутом судебном деле виден расклад сил в этой криминалистической ситуации, задаваемый властями, страдавшими относительно мышьяка чуть ли не фобией. В первом отечественном учебном пособии по судебной медицине С.А. Громов озвучил официальную позицию: «Мышьяк как по весьма ядовитому и всем известному качеству своему, так и по многому употреблению его в различных художествах и под разными другими предложениями, столь часто встречается при отравлениях, что при исследовании оных всегда первое и главнейшее внимание должно быть обращено на оный» [1832, с. 405]. Действующими лицами являлись женщины, имевшие определенный запас знаний об этом яде и способностей обращаться с ним, и представители официальной медицины, выявлявшие степень их применения обвиняемыми и подозреваемыми. Имелась и жертва — чаще всего муж отравительницы, на котором она отрабатывала умения совершить противоправное деяние безнаказанно. 18-летняя Дарья оказалась знакома с препаратами мышьяка по минимуму, зная лишь об их ядовитости и не представляя, как они выглядят. Правда, Горбунов снабдил ее сведениями о самом обыкновенном пути введения яда в организм — «через верхнюю часть пищеварительного канала вместе с питьем и пищей». В большинстве случаев он был алиментарным (пищевым), и такие преступления у следователей и судейских в России получили название «окормление». В пособии по судебной медицине Э. Бухнер писал, что мышьяк «с целью отравления дают обыкновенно... примешанный к пище и напиткам и более или менее растворенный в них» [1870, с. 210]. С ним соглашался Э. Гофман: «Опыт показывает, что яды, за исключением жидких, редко даются или принимаются в чистом виде, а большей частью вводятся в какой-нибудь смеси: в пище, напитках, особливо при умышленном отравлении» [1887, с. 471]. Автор «Судебной химии» А. Наке продолжил его мысль, указав на результат: «...мышьяк находится в смеси с громадным количеством других веществ, которые маскируют реакцию» [1874, с. 13].

В отличие от Полевиной, в 1826 г. Авдотье Алексеевой Пономаревой раздобыть яд удалось, и перед ней встал вопрос: в чем дать его мужу? Белый мышьяк (или мышьяковистая кислота), которым чаще всего травили, представлял собой порошок, «похожий с виду на муку» [Руководство..., 1878, с. 130]. Его относили к ядам, органолептические признаки которых «легко можно прикрыть» и «удобно» и «неприметным образом» подмешать в пищу [Гальтье, 1858, с. 202; Гофман, 1887, с. 497, 509]. Например, в «молочный суп», в котором он «не возбуждал подозрения по своему белому цвету» [Руководство..., 1878, с. 131]. Женщина положила яд в капусту, которой позавтракал ее супруг Максим. Уже в труде А. Хенке 1828 г. указывалось, что «отравление может быть обнаружено... исследованием подозрительного кушанья» [с. 578]; более поздний учебник Э. Гофмана призывал «обратить внимание, не находится ли ядовитое вещество в пище или напитках, принятых заболевшими» [1887, с. 497]. При поиске мышьяка изучить их было весьма важным, и «Руководство по токсикологии» 1878 г. замечало, что «в... остатках пищи и питья нередко встречаются крупинки» этого яда [1878, с. 149]. Не их ли нашел в изъятой капусте лекарский ученик Верх-Исетского завода Василий Ермаков, утверждавший, что муж Авдотьи пострадал от вещества, которое оказалось «не что иное, как мышьяк» [ГАСО. Ф. 12, оп. 1, д. 803, л. 2–2 об.].

Это означало, что женщина столкнулась с проблемой растворимости яда. Кристаллическая мышьяковистая кислота (ее Авдотья могла достать «в виде белого мелко истолченного на сахар похожего порошка») легко растворялась в кипящей воде и плохо — в холодной [Руковод-

ство..., 1878, с. 130]. Яд мог попасть к ней и «в виде твердых бело-желтоватых, внутри полупрозрачных и как бы остеклованных масс или кусков», разбавить которые в жидкости удавалось в три раза быстрее [Гофман, 1887, с. 509]. По мнению Э. Бухнера, хорошо растворенный мышьяк «непосредственно поступал в кровь и разносился ею по всем органам», поэтому действовал на организм быстро, принятый внутрь «в твердом состоянии» — проявлял себя через несколько часов [1870, с. 210]. На взгляд Э. Гофмана, действие последнего не только затягивалось, но преимущественно выражалось в поражении пищеварительного тракта. Полное же растворение яда чаще вызывало «церебральные» симптомы [1887, с. 471].

Подозрения в отношении Милодоры Федоровой Невьянцева появились, когда ее супруг лечился в Екатеринбургском госпитале. В 1828 г. женщина принесла туда в туесе «похлебку, приготовленную с телятиной, и три шаньги». Больной, «наливши в миску» суп, «несколько и поел», потом успел съесть «полторы шаньги», и у него началась рвота [ГАСО. Ф. 12, оп. 1, д. 836, л. 2]. Ее признавали за «самый резкий и упорный симптом» отравления и рассматривали в качестве защитной реакции организма [Руководство..., 1878, с. 131]. Поэтому дежуривший в госпитале лекарский ученик Чеканников дал страдальцу рвотного камня, но потом пожалел об этом, поскольку состояние Невьянцева резко ухудшилось — нормализовать его он не мог вместе с врачом Матвеевым, доложив о тяжелом состоянии пациента старшему врачу госпиталя штаб-лекару И.Ф. Ворвинскому. Принесенное Милодорой съестное изъяли и сразу направили на анализ в горную аптеку, и «в небольшом количестве» улику удалось обнаружить в шаньге [ГАСО. Ф. 12, оп. 1, д. 836, л. 2, 74]. Г. Корнфельд указывал, что яд «трудно растворяется в... мучных кушаньях» [1885, с. 194]. Тогда всплыли факты, позволяющие говорить о последовательном или хроническом отравлении. Муж Милодоры оказался в госпитале не впервые. Не так давно его выписали домой. Там он съел «приготовленный женой пирог с репой» и отправился навестить родителей. «Припадки» с ним начались еще по пути к ним и касались нервной системы: «чувствовал во всех членах оцепенение». Затем появились симптомы со стороны желудочно-кишечного тракта, продолжавшиеся всю ночь. Утром в родительский дом позвали лекарского ученика Андрея Луканина, отправившего Невьянцева на госпитализацию вторично. Мать «пришла в отчаяние» от его состояния, сам он, не надеясь «в спасении жизни», исповедался и причастился, но в лечебном учреждении с ним «отводились». Лишь узнав о мышьяке в шаньге, потерпевший осознал: «страдаю невинно от злобы своей жены болезнью... и не имею никакой надежды к выздоровлению». Мать догадку сына о «недоброжелательности жены» поддержала. Власти устроили обыск у родителей Милодоры и нашли арсенал ядовитых веществ: «мышьяк, опиум, чичулибуки, мешечками разные травы и в двух пузырьках какие то неизвестные... житкости»¹ [ГАСО. Ф. 12, оп. 1, д. 836, л. 2 об., 3, 19 об., 26 об.]. Выявился источник получения Милодорой яда и ее познаний в токсикологии и укрепились подозрения в хроническом отравлении ее мужа, вспомнившего, что находится в болезненном состоянии «без малого как год». Согласно Г. Корнфельду, оно заключалось в «медленно развивающихся глубоких расстройствах, в особенности пищеварения и отправления нервной системы» [1885, с. 196]. Женщина могла менять дозу отравляющих веществ (от токсической до смертельной) или испытать несколько ядов.

О перемене ядов и эффектах ее соблюдения Степанида Даниловна Лепехина узнала от лекарского ученика Дмитрия Осипова Безматерных: «...притом спрашивал меня, не отравляла ли я, когда прежде... своего мужа, есть ли отравляла, то каким именно ядом, мышьяком или сулемой, за всем тем пояснял, что сие надобно знать, ибо, если я отравляла мышьяком и если ныне дать его же, то не подействует, и муж мой не подвергнется смерти, а, есть ли дать, напротив, другого, то скоро помрет». Чтобы добиться этого результата, она в 1831 г. обратилась не к «знающему» из народа, а к служителю госпиталя, где лечили ее супруга. Двадцатипятилетняя жительница Екатеринбурга полагала, что Безматерных, «как находящийся в сем госпитале по службе, легко может и скорее искоренить жизнь мужа». Тот «о прозье женки Лепехиной» доложил по инстанции, и под предлогом выбора отравляющего вещества штаб-лекарь Козлов разрешил побеседовать с ней [ГАСО. Ф. 12, оп. 1, д. 951, л. 9, 12–13]. Содержание разговора — наглядный пример того, как носитель официальных медицинских знаний при токсикологии транслирует их народу, а допрос показал, насколько успешно женщина их усвоила.

Марфа Архипова Карандашева, решив в 1849 г. уйти из жизни, задумалась о разнице между токсической и смертельной дозой мышьяка. Поскольку терять ей было нечего, она поэкспе-

¹ Чичулибука (чилибуха) — дерево, плоды которого содержали стрихнин и бруцин.

риментировала: добавила яд в квас и, «дабы в том увериться, можно ли от приготовленного ею состава получить скорую ей смерть... вылила частицу» в обычный напиток, который и подала своим домашним. Те вчетвером его выпили, удивились странному вкусу — «не гадина ли в квас пала»? — и дружно явили основные признаки отравления [Там же, д. 1384, л. 2, 7 об.]. Подозрение в нем перерастало в уверенность, «если после принятия известной пищи одновременно захворало несколько человек и при том одинаковыми» симптомами [Гофман, 1887, с. 497]. Вопрос же, занимавший эту жительницу Березовского завода, по словам С.П. Гальтье, в судах «предлагали довольно часто, и эксперты должны были определять свойства, количество яда, введенного в вино, кофе, питье и пр.». Спорным оставался и выбор летальной дозы. «Руководство к токсикологии» 1878 г. признавало: «...весьма трудно ответить с точностью на вопрос, какова велика отравляющая доза мышьяковистой кислоты» [1878, с. 130]. Г. Миттенцвейг определил «наименьшую смертельную дозу белого мышьяка» в 0,12 грамма [1878, с. 85]. Э. Бухнер несколькими годами ранее считал 2–6 гран яда способными «производить смертельные припадки», но оговаривался: «Впрочем, наименьший прием мышьяка смертельный для человека неизвестен» [1870, с. 210].

Задачу отравительницам осложняло отсутствие универсального продукта питания, в котором можно было скрыть этот яд. К уже перечисленным случаям добавим попытки Парасковьи Деиновой Бажаевой из Шайтанского (Яковлева) завода в 1842 г. растворить мышьяк в ухе [ГАСО. Ф. 12, оп. 1, д. 1273, л. 1, 4], Инеи Михайловой Сухих в 1854 г. из Петропавловского завода добавить его в выпечку [ГАСО. Ф. 12, оп. 1, д. 1526, л. 1, 12]. Перед ними стояла дилемма: растворить яд и получить явную симптоматику отравления или изловчиться и незаметно отправить его в организм жертвы белыми крупинками, постепенно им всасываемыми, и наблюдать признаки медленной интоксикации. Ориентируясь на повседневные блюда и напитки, женщины каждый раз выбирали, в какую пищу (или жидкость) его подмешать, т.е., согласно С.П. Гальтье, осуществляли одновременно количественный и качественный анализ состояния и возможных изменений токсичного вещества [1858, с. 281]. Оптимальным решением виделось горячее жирное жидкое блюдо, в котором можно было быстро растворить, а затем с помощью жира «значительно замедлить» всасывание мышьяковистой кислоты [Руководство..., 1878, с. 131]. Жизненного опыта больше было у пожилых женщин. Видимо, достаточно рано подозревать Милодору Невьянцеву начала ее свекровь. Вслед за невесткой она пришла проведать сына в госпиталь и принесла «печеной на сковороде с яйцом круглой пироги» [ГАСО. Ф. 12, оп. 1, д. 836, л. 6]. В учебнике Э. Гофмана «кушанья из яиц» рассматривались в качестве противоядия: белковая пища «химически соединялась с ядом», прекращая его влияние [1887, с. 472]. На следующий день мать отпаивала Невьянцеву в госпитале молоком — общепризнанным антидотом [Корнфельд, 1885, с. 197]. Настороженность по поводу яда проявила и свекровь Инеи Сухих. Наблюдая симптомы отравления сына (при которых также давала ему парное молоко), она припомнила, как сноха «неизвестно чего запекала в белый хлеб», донесла на ту, и встряпне 18-летней женщины лекарский ученик Дмитрий Зимин обнаружил мышьяк [ГАСО. Ф. 12, оп. 1, д. 1526, л. 1, 12].

Благодаря медицинской помощи отравленные остались в живых, и суд вменил обвиняемым лишь покушение. Однако медики сходились во мнении: попадание мышьяка в организм — даже в малых дозах (Э. Гофман предлагал называть их токсическим приемом, который, согласно Э. Бухнеру, «не доходил еще до полуграна» [1870, с. 210], а у Г. Конфельда варьировался от 1/20 до 1/6 грана [1885, с. 195]) — наносило здоровью людей непоправимый вред, выражавшийся в «тяжелых функциональных расстройствах, могущих продолжаться целые месяцы и годы» [Гофман, 1887, с. 479]. На ухудшение здоровья жаловался Невьянцев. У таких больных наблюдалось «постоянное чередование мнимого выздоровления с опасными возвратами» [Руководство..., 1878, с. 134]. В результате Невьянцев «лишился совершенно владения» руками и ногами и обвинял (весьма квалифицированно) в этом Милодору: «вероятно... от испорченности нерв каким ни есть ядом, вводимым женою посредством пищи, приготовляемой для меня» [ГАСО. Ф. 12, оп. 1, д. 836, л. 3]. «Руководство к токсикологии» указывало: «...мышьяковый паралич поражает все конечности, в особенности обе нижние» [1878, с. 133]. Аналогичный диагноз ставил Невьянцеву его лечащий врач И.Ф. Ворвинский: «...паралетические расслабления в руках и ногах» [ГАСО. Ф. 12, оп. 1, д. 836, л. 39].

«Важный в судебном отношении яд...»

Как показывают дела Екатеринбургского уездного суда, запасом знаний по химии и фармакологии обладали уже лекарские ученики, не говоря об аптекарях и докторам, которые были осведомлены о множестве способов выявления мышьяка. «Наставление врачам при судебном осмотре и вскрытии мертвых тел», изданное Министерством внутренних дел в 1829 г., пять из

шести примеров «химических процессов» нахождения ядов посвятило ему. Однако, заявлялось в тексте этого издания, «хотя они и показывают присутствие самомалейшего мышьяка в чистой воде; но не столь удобно могут быть употребляемы для открытия онаго в желудке» [Наставление..., 1829, с. 119, 141–148]. Поэтому, заподозрив отравление, следствие стремилось найти остатки пищи и напитков: в них мышьяк поддавался распознаванию намного точнее. Устанавливать же его в «желудочной смеси» или извержениях человеческого организма, по признанию С.А. Громова, приходилось «с великими затруднениями». Результаты самых искусных манипуляций с пробирками все равно оставались «обманчивы и неверны» [Громов, 1832, с. 414–427]. Революцию произвело появление пробы, изобретенной в 1836 г. Джеймсом Маршем: его аппарат из «животной» жидкости выделял восстановленный яд в виде металлического налета, получившего поэтическое название «зеркала смерти». На основе модификаций «Маршева аппарата» было разработано несколько простых и эффективных способов установления опасного вещества в различных средах. Однако проблемы с диагностикой во многом свели на нет успехи химии: уже пандемии 1830 и 1848 гг. показали, что заражение холерой имеет «разительное сходство с отравлением мышьяком» (даже при анатомическом вскрытии) [Бухнер, 1870, с. 213; Миттенцвейг, 1878, с. 87; Корнфельд, 1885, с. 195; Гофман, 1887, с. 475]. Новые данные об этиологии тифов также сблизили их симптоматику с картиной отравления этим ядом [Корнфельд, с. 1885, с. 166]. В холерное и тифозное время у случаев криминальной смерти возрастали шансы остаться незамеченными. Выявились трудности и в дифференцированном диагнозе самих отравляющих веществ: интоксикация мышьяком напоминала таковую же сулемой и «представляла величайшую аналогию» с набиравшими популярность (благодаря доступности спичек) фосфорными отравлениями [Руководство..., 1878, с. 131; Бухнер, 1870, с. 513].

В чем судмедэксперты были уверены еще до интереса науки к личности преступника, так это в отнесении подобных деликтов к «излюбленным деяниям» представительниц женского пола. «Что яд является преимущественно оружием женщины, на это указывают единогласно все авторы», — заверял Г. Корнфельд [1885, с. 159]. В.В. Есипов считал, что «и у нас отравление совершают по преимуществу женщины». По его наблюдениям (сходными с данными Екатеринбургского суда), они пребывали «в самой нежной поре жизни (от 15 до 20 лет)». Причины крылись в общественном статусе и природе женщины: «это преступление, вытекающее из ее семейного положения, ее подчиненности и коварной мстительности, как слабейшего существа». Правовед считал, что замена «недоступных ей кистеня и топора» ядом позволяла преступнице даже взять верх над мужчиной [Есипов, 1896, с. 245–246, 247–248].

Востребованность женской аудиторией познаний в токсикологии показал в очерке 1887 г. «Отрава» Д.Н. Мамин-Сибиряк. Близкие к народу персонажи — становой, писарь и фельдшер — говорят в нем о принципах распространения и циркуляции среди женщин знаний об отравляющих веществах. В любой большой деревне имела особа, «которая возвела в ремесло отравление односельчан» (в очерке это старуха Анна Парфеновна по прозвищу «Отрава») и чье влияние распространялось на «целую округу», при этом «отравленные были все мужики». «Все бабенки-то, которым невмоготу, — указывали знатоки народной жизни, — завсегда к Отраве шли, а та средство свое представит и всему научит». Описываемое писателем преступление «не ладившей с мужем» крестьянки Анисьи сходно с делами Екатеринбургского уездного суда. К тому же он постоянно акцентирует внимание на «учительной» функции сведущей женщины по отношению к ее посетительницам: Анисья «пришла к Отраве и попросила средства; Отрава приняла подарки, порылась в своей лаборатории и вынесла необходимую специю в кабацкой посудине. Бабенка Анисья вместе со средством получила подробную инструкцию, как ей орудовать». Доктор Атридов одобрял предложенную «Отравой» методу: «Старуха-то ее очень хорошо учила: “ты помаленьку трави мужа, чтоб незаметно было”. Ну, не может же человеку — и вся недолга. Так бы и изошел на нет, фельдшер помог бы еще какую-нибудь микстурой, а о. Илья предал бы тело земле». Подход, напоминающий действия Милодоры Невьянцевой. Из таких со временем вырастали «Отравы». Анисья же не усвоила урока и «двухнедельную порцию выпоила мужу в сутки». Его скоротечная кончина привлекла внимание, женщина «потерялась и во всем повинилась следователю, выдав с головой Отраву». Компетентные в ядах (хотя и противоположные) стороны — доктор и сама старуха — ее поведение осуждали. Атридов считал Анисью «глупой», знающая — «не стоящей... коли не успела концы схоронить». Их оценка была связана с социальной функцией отравления: «Ну, мужикам все же опаска». «Мужик Вахрушка»,

испытавший «средствие» пожилой женщины на себе, уверял: односельчанкам «зубами за Отраву надо держаться, потому защита ихняя была» [1915, с. 52–53, 58, 63–64].

Если научная токсикология сомневалась: мышьяк — яд или «героическое», но лекарство, имея лишь «зыбкое» определение первого и сталкиваясь с трудностями выработки его точной формулировки [Хенке, 1828, с. 559–560; Гофман, 1887, с. 469], то народная токсикология колебалась между признанием этого вещества ядом или «зельем», в том числе «любовным». А. Хенке в 1828 г. отравляющими веществами признавал «употреблявшиеся часто в старину т.н. оборотительные или любовные чары, приворотные питья, коими старались возбудить любовь, ненависть, безумие, мужское бессилие и бесплодность». Судебная медицина интересовалась этими «порождениями мрачного суеверия», ведь они могли «причинить опасные последствия для здоровья», поскольку составлялись «по большей части из сильных раздражающих и на чувствительность действующих средств» [1828, с. 606–607]. Прямой комментарий к разбирательству 1799 г. в Нолинском уездном суде Вятской губернии отравления Маврой Гущиной супруга травой: «кестли б вместо чемерицы дал ей кто-нибудь какое-либо другое едовитое вещество, то она, как видно, по глупости своей, конечно, и оное мужу своему для привлечения изъясненной себе любви выпить или съесть дала, а через оное, не зная действие вещества того, зделалась причиною смерти ево» [Коршунков, 2021, с. 50]. За мышьяком, как и за лекарством, женщины отправлялись к «знающим». Амбивалентность его восприятия вытекает уже из действий Дарьи Полевиной, которая в 1800 г. искала яд, чтобы отравить мужа, но потом заявила, что занималась его приворотом. Инея Сухих в 1854 г. замешивала в хлеб мышьяк, чтобы «муж более ее любил» [ГАСО. Ф. 12, оп. 1, д. 1526, л. 1 об.]. Жена мастерового Демина, в 1860 г. подавая супругу яд, мечтала о возвращении любви [ГАСО. Ф. 12, оп. 1, д. 1668]. Д.Н. Мамин-Сибиряк подобную двойственность перенес на фигуру «знающей». Сначала «Отрава» у него колдунья, участь которой — получить «колом осиновым наскрозь», затем — знаток токсикологии: «Целая лаборатория всевозможных ядов у этой старушонки... И заметьте: все растительные яды, которые и доказать на трупе в большинстве случаев трудно» [1915, с. 48–49, 52]. П.Н. Тарновской при исследовании в конце XIX в. каторжанок встретился похожий тип — Авдотья Алексеева. Отравительница была «в местности своей прозванная “волхита” (от слова «волхвы» — ученые, знающие люди)», поскольку «лечила по деревьям разными травами и “снадобьями”» [1902, с. 141]. В 1892 г. профессор Казанского университета И.М. Гвоздев призывал выявить существовавшие у народа «понятия» яда, отравы и зелья и тем оказать «немаловажную услугу для суда присяжных», постоянно сталкивающихся с реликтами «обычного» права [1892, с. 42]. Очерк Д.Н. Мамина-Сибиряка также заканчивался признанием будничности («самое обыкновенное дело») и широкого распространения этого социального явления — писарь Иван Антоныч заявляет: «Мужики зверствуют, а бабы травят — это по всем деревьям так». Его поддерживает фельдшер Герасимов: «Мне постоянно приходится отваживаться с отравленными...» [1915, с. 58, 64]. Однако наряду с типичными проявлениями у этого общественного зла обнаружилась скрытая сторона.

Судебно-медицинская казуистика в глухом уральском селе

В одном из первых номеров «Врачебно-санитарной хроники Пермской губернии» появилась заметка земского врача Н.А. Сергеева, в которой он рассказывал об обстоятельствах смерти в начале ноября 1904 г. крестьянки Башкарской волости Верхотурского уезда А.П. (обозначения лица только через инициалы — обычная практика тех лет). Ее молодой муж Н.П. поведал старухе-знахарке о «плохом житье» с женой, и та направила его к знакомому, который парочку супружниц уже извел. Собрат по несчастью подтвердил, что «от баб отделаться легко и безопасно», и поделился с Н.П. испытанным средством в виде кусочка «стеклянного вида» — так выглядела некристаллическая мышьяковая кислота. Тот использовал ее по назначению, и удачно — 19-летняя женщина скончалась за три дня, но от правосудия и огласки ее супругу уйти не удалось. Видимо, лекарка и успешно избавлявшийся от жен мужчина откровенничали не только с молодоженом. Молва донеслась до причта местной церкви, который и до того, видимо, кое-что подозревал. В результате Н.П. не разрешили предать тело земле без медицинского свидетельства. Местный фельдшер, который все три дня оказывал больной помощь, напрямую мужа не обвинил, но составил акт таким образом, что волостное правление решило начать следствие. Тогда отравитель признался: «во время совокупления» ввел жене во влагалище мышьяк. Вскрытие обнаружило его там в виде кусочка, а также пораженные им внутренние органы. Прижизненные симптомы вроде кровавой рвоты и сильной боли в пояснице соответствовали необычному способу отравления, возможного только в женском организме [Сергеев, 1908, с. 99].

Больше всего Н.А. Сергеева занимал парадокс: «где-то в глуши, в небольшом селе, где процент грамотности ничтожен... практикуются весьма оригинальные, верные и трудно уловимые способы отделаться от немилых жен». Какого бы высокого мнения о народной смекалке медик не был, сомнений не возникло: это не мужицкая выдумка. Он задался вопросом: каким образом этим знаниям удалось проникнуть в народную среду? Врач был уверен: известны они уже давно и опробованы неоднократно. Об этом свидетельствовали возраст старухи-знахарки, которой давали 75 лет, запас мышьяка у бывалых людей для всех желающих и распространявшиеся слухи [Там же, с. 100]. В руководствах по судебной медицине также упоминалось о введении мышьяка в женские гениталии [Бухнер, 1870, с. 211; Ильинский, 1861, с. 356; Гофман, 1887 с. 472]. Рассказывали о «знаменитом Кальпорнеусе», умерщвлявшем «своих жен, вводя им на пальце во влагалище различные ядовитые вещества, между которыми... была и мышьяковистая кислота»; неаполитанский король Владислав умер вследствие отравления «его детородного члена так, что яд был введен во влагалище его любовнице» [Есипов, 1896 с. 216]. Ссылались на публикацию А. Хенке 1821 г. о введении одним крестьянином своим женам после полового акта «катышков с мышьяком», С.П. Гальтье упоминал мужчину, погубившего таким способом трех жен, и описал сходный с уральским инцидент скоропостижной смерти женщины, по расследованию которого оказалась, что муж «в ту минуту, когда пользовался своими супружескими правами, вводил ей мышьяк в маточный рукав» [1858, с. 204–205]. Однако на фоне колоссальной статистики алиментарных отравлений, такие единичные случаи самими авторами воспринимались в качестве «оспариваемых», «баснословных» и из области преданий.

Между тем имела отечественная публикация с фиксацией подобного преступления по правилам судебно-медицинской экспертизы, которую в качестве примера специалист по судебной медицине Е.В. Пеликан добавил в перевод труда Антуана-Пьера Рабюто «Руководство к токсикологии». Причем инцидент с «крестьянской девицей В., 20 лет» вновь произошел в Пермской губернии — в одном из ее уездных городов (исключая Екатеринбург). Более точную географическую, а главное, хронологическую привязку приводимое Пеликаном извлечение из дел Медицинского совета МВД, к сожалению, не дает. Внешне преступление напоминало хулиганство: отвергнутый девицей жених К., выломав дверь, ночью ворвался в избу, обнаружил ее на полатях, но заниматься с ней любовью не стал, а «засунул ей руку под подол и ввел в детородные части ее какой-то порошок», после чего ретировался. Мотивы его поступка следствие до конца не прояснило: сатисфакция за неудачное сватовство или же он выступал орудием мести своей бывшей любовницы, которая конфликтовала с его нынешней невестой. Медицинскую помощь девице оказывал местный фельдшер, сомневавшийся в диагнозе и наблюдавший сходные со случаем в Башкарской волости симптомы со стороны пищеварительных и половых органов. Пролог ночного визита в дом потерпевшей выглядел до того показательным, что ее скоропостижную кончину власти не могли игнорировать. Неприятности девицы В. начались после вступления в любовную связь с местным мещанином С., в услужении которого она находилась. Узнав о неверности мужа, его законная супруга служанку выгнала, а свое мщение направила на ее семью, в хозяйстве которой за короткое время сгорел стог сена, пала отравленная корова, наконец, в избу были подброшены «три отравленных хлеба, с прикрепленными к ним восковыми свечками». После столь явного намека оставалось ждать попыток отравления людей. На фоне этих ожиданий к В. стал свататься К. — чин местной этапной команды, оказавшийся по совместительству любовником женщины, пылавшей по отношению к девушке ненавистью. Попытки «судебно-химического исследования» органов желудочно-кишечного тракта и половой системы покойной врачебным отделением в Пермской губернии и Медицинским департаментом Санкт-Петербурга яда не выявили. Тогда медицинский совет проявил настойчивость и потребовал доставить в столицу ее «паренхиматозные органы» и наконец обнаружил в них мышьяк [Руководство..., 1878, с. 179–181].

Особенностью интоксикации при таком способе проникновения мышьяка в организм является более медленное всасывание, оно не дает «бурной, обычной при введении в желудок, картины отравления мышьяком». Отсюда ошибки в постановке диагноза: башкарский фельдшер лечил свою пациентку от запора, Сергеев считал, что отравление могло скрываться за такими причинами смерти, как «женская слабость», понос, порок сердца. Похожую картину нарисовала обратившемуся к ней Н.П. старуха-знахарка: «дня через три-четыре “баба” умрет, и умрет от “давления сердца”, так что и никто не догадается» [Сергеев, 1908, с. 100–102]. Одинаковый токсический агент при разных способах попадания в организм сформировал по сути два разных преступления. Способ, знакомый большинству, оказывался более сложным, мог иметь

массу вариантов, требовал дополнительной субстанции в виде напитка или пищи, следовательно, больших знаний, умений и удачи при его осуществлении. Однако и доказать сам факт попадания мышьяка в половые пути оказалось намного легче, чем в желудок,— даже в трупе он сохранялся в твердом виде. Улика легко обнаруживалась еще в живой женщине акушеркой при гинекологическом осмотре. Фельдшер, осуществлявший помощь девице В. и осведомленный о демарше ее жениха, провел осмотр («в присутствии понятых-женщин» — эта область медицины оставалась закрытой для мужчин, даже медиков) и, действительно, нашел «небольшое количество белых крупинок, величиною менее булавочной головки», но не придавал им значения и не удалил [Руководство..., 1878, с. 180]. «Как элементарно просты распознавание и лечение!» — восклицал доктор Н.А. Сергеев. Однако невнимание к ним приводило к гибели. При пероральном попадании мышьяка в организм, к симптомам которого настороженно относились власти, медики и население, даже в первой половине — середине XIX в. имелись неплохие шансы избежать смертельного исхода. При вагинальном — результат был гарантирован, поскольку определить преступный умысел удавалось случайно: через явку с повинной или из-за предшествующего смерти скандала. Е.В. Пеликан пытался своей публикацией привлечь внимание к этому способу отравления, но преуспел мало, иначе бы врач Н.А. Сергеев не жаловался на редкость данных о нем в литературе (даже специальной) и не писал бы: «...выплыл на свет божий один такой случай, а сколько, наверное, погибло молодых жизней, сколько мужей, при условиях чисто животной жизни и третирования женщины, как самки и грубой рабочей силы, отделались таким путем от своих — ставших почему-либо постылыми — жен», т.е. признавал массовый характер подобного преступления, в том числе «в “доброе” старое время» [1908, с. 100–101].

Анализ отравлений с участием простолюдинов в контексте предписаний судебной медицины XIX — начала XX в. показывает, что, несмотря на сохранение некоего магического флера, народная токсикология обладала значительным запасом объективных представлений. В отличие от судебных химиков и врачей ее мало интересовали вопросы токсикокинетики: «существует ли мышьяк в организме при нормальных условиях»; «в каких количествах распределяется мышьяк в каждом из органов тела»; насколько быстро он «выделяется из тела», а привлекали конкретные знания, которые в народную культуру попадали через лиц с медицинским образованием. В провинции их контингент и состав в течение XIX в. рос (в него следует добавить акушеров: мышьяк был известен как плодогонное средство, и, возможно, они содействовали распространению информации об отравлении через гениталии [Гофман, 1887, с. 512]), а на горнозаводском Урале имелось и большое число лекарских учеников. Попавшие в распоряжение народа сведения позволяли, изменяя пути попадания мышьяка в организм, варьируя его дозу (токсическая — смертельная), агрегатное состояние (твердое — жидкое) и режимы растворения, влиять на быстроту и интенсивность интоксикации (острая — хроническая), но главное — на перемену симптоматики — либо преимущественно со стороны желудка, либо нервной системы, либо половых и паренхиматозных органов. Следовательно, маскировать действие этого сильнейшего ксенобиотика на человека под проявление различных недугов, тем самым поддерживая его репутацию искусного имитатора, которую он не утратил у современных токсикологов, продолжающих испытывать затруднения в точной постановке диагноза. Население твердо знало, что мышьяк — опаснейший яд, травят им через еду и питье, главным признаком отравления является рвота, а противоядием — молоко. Остальные познания, умения и навыки концентрировались в руках «знающих», которые отравляли сами или консультировали и снабжали токсическим веществом обратившихся к ним. Эту часть народных практик стоит отнести к разряду «тайных» и указать, что при интересе современной этнологии к «знающим» отравители в особый разряд среди них не выделяются, хотя, возможно, подобная специализация имела место. Наличие же наряду с интоксикациями алиментарным путем случаев отравления женщин через половые органы позволяет скорректировать представления о подобных преступлениях вообще, сложившиеся благодаря лучшей выявляемости первых: увеличивается статистика отравлений, причем за счет летальных исходов, социальный состав преступников перестает быть исключительно женским.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Безгин В.Б. Убийство супруга(и) в крестьянской семье (конец XIX — начало XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 27–30.

Бухнер Э. Судебная медицина для врачей и юристов. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1870. 278 с.

- Гальтье С.П.* Начертание общей токсикологии или науки о ядах и отравлениях вообще. М.: Тип. М. Смирновой, 1858. 464 с.
- Гвоздев И.М.* Систематический перечень судебно-медицинских данных в практическом, преимущественно, применении их к общественным потребностям. Казань: Тип. Императорского университета, 1892. 84 с.
- Гелинг К.* Опыт гражданской медицинской полиции, примененный к законам Российской империи. Вильна: Тип. А. Матциновского, 1842. Т. 1. 509 с.
- Гофман Э.* Учебник судебной медицины. СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1887. 762 с.
- Громов С.А.* Краткое изложение судебной медицины для академического и практического употребления. СПб.: Тип. отдельного корпуса внутренней стражи, 1832. 554 с.
- Есипов В.В.* Отравление: Историко-догматическое исследование. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1896. 416 с.
- Ильинский А.И.* Руководство к изучению фармакологии. СПб.: М.О. Вольф, 1861. 882, LVI с.
- Корнфельд Г.* Руководство к судебной медицине. СПб.: Тип. Я. Трей, 1885. 484 с.
- Коршунков В.А.* Любовный напиток с чемерицей: Как вятская крестьянка в 1799 году мужа чуть не уморила // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017. Т. 13. № 2. С. 473–494.
- Коршунков В.А.* Ветроум: странное, страшное, смешное в повседневной жизни русской провинции XVIII — начала XX века. М.: Редкая птица, 2021. 320 с.
- Мамин-Сибиряк Д.Н.* Отравы: Очерк // Мамин-Сибиряк Д.Н. Полн. собр. соч. Т. 4. Кн. 15: Уральские рассказы. Пг.: Товарищество А.Ф. Маркс, 1915. С. 43–64.
- Миттенцевейг Г.* Наставление к судебным вскрытиям трупов. Харьков: Тип. М. Зильберберга, 1878. 134 с.
- Наке А.* Судебная химия. М.: Тип. и лит. А. Торлецкого и М. Терихова, 1874. 143 с.
- Наставление* врачам при судебном осмотре и вскрытии мертвых тел. СПб.: Тип. Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1829. 164 с.
- Руководство* к токсикологии составленное по Рабюто «*Eléments de toxicologie*» / Под ред. Е. Пеликана. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1878. 673 с.
- Сергеев Н.А.* Из судебно-медицинской практики (к казуистике отравления мышьяком через влагалище) // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1908. № 6–8. С. 98–102.
- Тарновская П.Н.* Женщины-убийцы. СПб.: Товарищество художественной печати, 1902. 512 с.
- Хенке А.* Руководство к судебной медицине. СПб.: Тип. штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1828. 609 с.

ИСТОЧНИКИ

ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 12. Оп. 1. Д. 126, 803, 836, 951, 1273, 1384, 1526.

Golikova S.V.

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch RAS
S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620099, Russian Federation
E-mail: avokilog@mail.ru

People's perception of toxic substances (based on data on arsenic poisoning in the Urals in the 19th — early 20th century)

The article examines the criminal practices of people handling toxic substances based on data on arsenic poisoning from investigation materials and publications on forensic medicine of the 19th — early 20th century. Residents of the Urals treated arsenic as a poison/potion (“*zel'e*”). This ambivalent perception did not prevent people from having a significant amount of objective knowledge in toxicology. Persons with medical education passed on this knowledge, skills and abilities to the people. The contingent of such persons during the 19th century increased in the Urals: doctors, physicians (“*lekar's*”), pharmacists, paramedics, and most often apprentice physicians (“*lekarskie ucheniki*”) appeared in court cases. The most common route of arsenic entering the body was oral (through the mouth). Women added poison to food and drink and poisoned their husbands. Knowledge about the way poison enters a woman's body through the genitals was classified as “secret”. This method was used by men against women. It was identified by forensic experts extremely rarely and considered as doubtful. The criminals also varied the dose of arsenic (toxic — fatal), the state of aggregation of the poison (solid — liquid), and the degree of dissolution of this hardly soluble substance. These parameters changed the speed and intensity of poisoning (acute — chronic). Their different combinations changed the symptoms of poisoning: signs of damage to either the gastrointestinal tract or the nervous system were observed. The variety of symptoms of poisoning made it difficult to establish an accurate diagnosis, allowed disguising the crime as different diseases, prevented the victim from receiving proper medical care, and helped the criminal evade responsibility for the poisoning.

Keywords: folk medicine, “knowledgeable”, toxicology, arsenic, Yekaterinburg district court.

REFERENCES

- Bezgin, V.B. (2016). Murder of a spouse (a wife) in a peasant family (late 19th — early 20th centuries). In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*, 63(1), 27–30. (Rus.).
- Buhner, Je. (1870). *Forensic medicine for doctors and lawyers*. St. Petersburg: Tipografija Imperatorskoj akademii nauk. (Rus.).
- Gal'te, S.P. (1858). *Outline of general toxicology or the science of poisons and poisonings in general*. Moscow: Tipografija M. Smirnovoj. (Rus.).
- Geling, K. (1842). *The experience of civilian medical police applied to the laws of the Russian Empire. Vol. 1*. Vilna: Tipografija A. Matcinovskogo. (Rus.).
- Gofman, Je. (1887). *Textbook of Forensic Medicine*. St. Petersburg: Izdanie L.F. Panteleeva. (Rus.).
- Gromov, S.A. (1832). *A summary of forensic medicine for academic and practical use*. St. Petersburg: Tipografija otdel'nogo korpusa vnutrennej strazhi. (Rus.).
- Gvozdev, I.M. (1892). *A systematic list of forensic data in practical, mainly, application to social needs*. Kazan: Tipografija Imperatorskogo universiteta. (Rus.).
- Esipov, V.V. (1896). *Poisoning. Historical and dogmatic research*. Warsaw: Tipografija Varshavskogo uchebnogo okruga. (Rus.).
- Il'inskij, A.I. (1861). *Guide to the Study of Pharmacology*. St. Petersburg: M.O. Vol'f. (Rus.).
- Henke, A. (1828). *Guide to Forensic Medicine*. St. Petersburg: Tipografija shtaba otdel'nogo korpusa vnutrennej strazhi. (Rus.).
- Kornfel'd, G. (1885). *Guide to Forensic Medicine*. St. Petersburg: Tipografija Ja. Trej. (Rus.).
- Korshunkov, V.A. (2017). Love Potion with Veratrum: a Story of a Peasant Woman from the Vyatka Region who Nearly Killed Her Husband in 1799. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij*, 13(2), 473–494. (Rus.).
- Korshunkov, V.A. (2021). *Vertroum: The Strange, Scary, and Funny in the Daily Life of the Russian Province from the Eighteenth to the Early Twentieth Century*. Moscow: Redkaja ptica. (Rus.).
- Mamin-Sibirjak, D.N. (1915). Poison. Feature article. In: *Polnoye sobranie sochinenij. T. 4. Kn. 15*. Petrograd: Tovarishhestvo A.F. Marks, 43–64. (Rus.).
- Mittencvejg, G. (1878). *Manual for forensic autopsies*. Har'kov: Tipografija M. Zil'berberga. (Rus.).
- Nake, A. (1874). *Forensic chemistry*. Moscow: Tipografija i litografija A. Torleckogo i M. Terihova. (Rus.).
- Pelikan, E. (Ed.) (1878). *A guide to toxicology compiled by Rabuteau «Éléments de toxicologie»*. St. Petersburg: Tipografija M. Stasjulevicha. (Rus.).
- Sergeev, N.A. (1908). From forensic medical practice (to the casuistry of arsenic poisoning through the vagina). *Vrachebno-sanitarnaja hronika Permskoj gubernii*, (6–8), 98–102. (Rus.).
- Tarnovskaja, P.N. (1902). *Women as killers*. St. Petersburg: Tovarishhestvo hudozhestvennoj pečati. (Rus.).

Голикова С.В., <https://orcid.org/0000-0001-8272-4763>

Сведения об авторе: Голикова Светлана Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

About the author: Golikova, S.V., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch RAS, Yekaterinburg.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 03.10.2024

Article is published: 15.12.2024